

Люди-маугли

ДЕВОЧКА ИЗ СТАМ

Екатерина РОМАНОВА

Екатерина Романова

Девочка из стаи

Серия «Люди-маугли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8878647

Девочка из стаи / Екатерина Романова: РИПОЛ классик; Москва; 2014

ISBN 978-5-386-07764-8

Аннотация

На страницах этой книги вы найдете пронзительный рассказ о непростой судьбе маленькой девочки. Глухая тайга, нет надежды на спасение. Казалось, она так и погибнет здесь. Но дикие звери оказываются гораздо добрее людей. Они спасли ребенка и научили ее жить по законам стаи.

История современного ребенка-маугли, приключившаяся на бескрайних просторах Сибири.

Содержание

Найда	4
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Романова

Девочка из стаи

Найда

Мама сидела за столом, опустив руки на колени, и молча смотрела перед собой. Взгляд несфокусированный, пустой. Хотелось подойти к ней, хотя бы понять, все ли с ней хорошо, но было немного страшно. Наташа впервые в жизни видела ее такой. С утра мама отвела ее к соседке, а вернулась поздно, уже такая. Девочке было и жалко маму, и обидно немного – она у тети Светы рисунок нарисовала и наклеила на него самые дорогие свои наклейки, звездочки, а мама даже не посмотрела. Рисунок был для папы, который подолгу не бывал дома, работая водителем и пересекая порой, по его словам, полстраны. Каждый раз к его возвращению Наташа готовила какой-нибудь подарок, иногда вместе с мамой пекли пирожки, раз своими руками сделала игрушку на брелок, и папа повесил ее в кабине. Вот и сегодня хотела что-то придумать, когда мама придет с работы. А та уехала рано, не взяв ее с собой, и теперь не разговаривает. Девочка стояла в коридоре, выглядывая из комнаты, довольно долго, но мама ее не видела. Она словно превратилась в статую, даже когда Наташа намеренно вздыхала и шевелилась, пытаясь при-

влечь внимание, не замечала. Устав, Наташа села прямо на пол, и так еще некоторое время сидела, пока не скрипнула входная дверь.

– Ты что это? – Тетя Света, едва оказавшись в коридоре, подхватила девочку с пола, подняв на ноги: ей было легко – она была крупная, сильная. – Нельзя на полу сидеть, не лето уже... Мама-то где?

Наташа молча показала пальчиком. Говорить сегодня и ей не хотелось, хотя обычно она была общительной. Тетя Света взглянула на кухню, дверь которой была открыта... Наташа почувствовала, как руки сжались крепче на ее плечах, и подняла голову.

– Давай-ка спать, уговор был маму дожидаться. – Тетя Света, заметив ее взгляд, подтолкнула девочку в комнату.

– Я с мамой лягу, я с мамой хочу, – тут же вцепилась в нее Наташа. – А чему мама молчит?

На лице соседки промелькнуло странное болезненное выражение, словно вопрос не то раздражал, не то был неприятен. Она снова вздохнула:

– Ложись, а мама придет. Нам с ней поговорить надо.

В их маленькой квартирке была всего одна комната, одновременно спальня, детская и гостиная, где по выходным собирались за столом, который папа переставлял на середину. Когда не хватало времени убраться, тут становилось тесно. Вот и сейчас по полу еще со вчерашнего дня были разбросаны Наташины игрушки. Сегодня с утра собирались быст-

ро. Мама торопилась, говорила отрывисто, сказала, что Наташа побудет у соседки, пока она уедет. Соседка, старая мамина подруга, была палочкой-выручалочкой. Когда не было садика, Наташа проводила целые дни в квартире этажом ниже, с тети-Светиными детьми. Такое бывало летом. У папы на работе был «гуляющий график», как шутил он сам, и он порой уезжал на недели. Мама сначала не работала, целые дни проводила с Наташей дома. А потом пришлось определить Наташу в садик, и мама возвращалась за ней под вечер уставшая. Видимо, то ли работа маме не нравилась, то ли еще что, но она постоянно говорила тете Свете – и иногда Наташа слышала эти обрывочные разговоры, – что «не потянуть» им, денег не хватает расплатиться. Но Наташа не совсем понимала, что надо тянуть и за что расплачиваться. «Тянуть» – так говорила мама, когда девочка не хотела пить сироп от кашля. «Не тяни, все равно надо выпить, чем скорее, тем лучше».

Пройдя по комнате и подняв с пола несколько раскрасок, с которыми возилась утром, Наташа поняла, что убирать их не хочет. Ей хотелось спать и от усталости даже не хотелось плакать, хотя первое время после маминого прихода она тихонько хныкала. Из-за двери доносились тихие голоса, но она не могла разобрать слов. Наверное, мама обрадовалась бы, если бы она собрала все свои вещи в коробку и легла без напоминаний, без возни, не мешая ей. Но девочка еще надеялась, что, когда мама поговорит, она придет и они, как все-

гда, лягут вместе, как ложатся когда папы нет дома, на большой кровати, и мама что-нибудь расскажет ей перед сном. Сейчас единственным живым и приносящим жизнь в дом была тетя Света, ее голос звучал увереннее и громче, а маму было едва слышно. Наташа подошла к приоткрытой двери и снова присела на пол, прислушавшись.

– ...Мне и отдавать будет нечем, понимаешь?

– Марин, ну перестань, не чужие люди. Я что, не понимаю или тебя не знаю? Как наладится все – отдашь.

– Что же теперь наладится... – Мамин голос перешел на шепот, и у Наташи похолодело на сердце. – Ну найду я на похороны – а потом что? Теперь же только моя зарплата и останется, а у меня Наташка уже месяц вместо фруктов булку с сахаром жует, смотреть больно... А если еще буду у тебя просить...

– Так... – Деловой и серьезный голос тети Светы прервал мамины всхлипывания, от этого голоса становилось немного легче. – Ну-ка прекрати. Про меня забудь, когда деньги появятся – тогда и вернешь, тебе сейчас надо в первую очередь насчет похорон думать, может быть, на работе помогут.

– Не работа это, – тяжело вздохнула мама. – Платят гроши, не дадут там никаких компенсаций... Знаю, новую надо искать... Не знаю, как я все это выдержу. – И она снова заплакала.

Наташа подползла на коленях поближе к двери и, приоткрыв шире, выглянула через проем в коридор. Отсюда было

видно, как мама сидит, положив руки на стол и уронив на них голову, как вздрагивают ее плечи. Тетя Света сидела рядом, держа руку у нее на коленке и слегка потряхивая, будто будила спящую.

– Ты что, как не выдержишь! – даже немного сердито проговорила она. – У тебя дочка, ее на ноги ставить надо. Тяжело, оно и понятно, но ты давай держись. Сейчас главное похоронить, потом легче будет, больно, конечно, но уже не так. Ты мне поверь, я брата так же отпускала, не поверишь, что первые дни творилось. Потом легче.

– Как ты это... спокойно говоришь. – Мама подняла голову, и Наташа юркнула назад, боясь, что увидят, и дальше только слушала. – Не твой муж, потому и легче.

– Если и я тут с тобой зарыдаю, то проку от нас будет мало, – уже мягче произнесла тетя Света. А потом вдруг совсем маминым, дрожащим голосом произнесла: – Я же понимаю, что говорить-то, мало пожил, только бы начинать жить-то, а тут... Но нельзя теперь духом падать, нельзя. У тебя дочка...

Но мама, наверное, не слушала, она говорила сквозь слезы.

– Вчера еще звонил... Вчера, Свет, понимаешь? А сегодня уже... Я как приехала, меня сразу в больницу нашу повезли, думала – ну авария, операция, может, ничего, подождемся, выдержим как-нибудь. А они усадили, говорят – документы вот, вещи, опознать надо... А в вещах, в сумке термос наш с чаем, я ему с собой давала, почти целый еще...

Мама осеклась, шумно всхлипнула и глухо разрыдалась, видимо снова уронив голову на руки. Тетя Света тоже плакала, Наташа слышала, как она вздохнула, будто не хватало воздуха. Сама девочка сидела ни жива ни мертва. Ничего про похороны она за свою жизнь еще не знала, никого не приходилось хоронить, и родители оберегали от таких вещей – рано еще. Что именно случилось с папой, она сейчас понять не могла, но случилось что-то плохое, и мама плачет. Страшно, навзрыд, как никогда при ней не плакала. Значит, что-то очень плохое. Наверное, надо подойти, обнять ее... Но Наташа не могла пошевелиться. Ей было холодно, но она продолжала сидеть на месте, боясь слушать, но все же слушающая дальше.

– Давай-ка так с тобой сделаем, – произнесла спустя какое-то время тетя Света. – Завтра я своего с тобой на машине отправлю, все оформите, там ведь что получается, в морг, а потом заказывать все, и на кладбище звонить... нет, давай на кладбище я сама, тебе нужно будет свидетельство получить. Деньги я, сколько не хватит, дам... – Видимо, в этот момент мама посмотрела на нее, как порой смотрела, когда подруга предлагала помощь, бескорыстно, а маме было неловко принимать. – Дам, – уверенно повторила тетя Света. – Потом разберемся что и как.

– У тебя самой двое детей, Свет.

– Ничего, не нищие, переживем. – Тетя Света немного помолчала, и повторила задумчиво, со вздохом: – Переживем.

Перед уходом она все же уложила Наташу спать. Мама надолго ушла в ванную, вода шумела там, когда Наташа раздевалась, когда легла и тетя Света принесла стакан молока, как она любила, в кроватку – Наташа не раз ночевала у соседки, и та уже знала, как нужно. Вышла мама с красными глазами и полотенцем на голове, когда тетя Света постучала в дверь ванной и попросила закрыть за ней. В коридоре женщины встали перед дверью.

– Когда скажешь? – Света кивнула на дверь комнаты.

Наташина мама, Марина, покачала головой.

– Давай вместе поговорим, – предложила Света.

– Посмотрим, – глухо откликнулась та и, уже когда подруга вышла за порог, тихо добавила: – Спасибо.

Спустя некоторое время мама вошла в комнату и прямо так, с полотенцем, легла. Наташа все ждала, что она хотя бы подойдет и поцелует ее на ночь, но мама быстро затихла, и спустя минуту девочка села на кровати. Спросить тетю Свету о том, что случилось с папой, она испугалась, и до сих пор ей было не по себе. Наташа бесшумно выскользнула из-под одеяла и подошла к маме. Всегда такая красивая, молодая, та будто постарела за этот день. Морщинка на лбу, обычно почти незаметная, теперь была глубокой и различимой, на лице застыло серьезное болезненное выражение, даже сейчас, когда мама спала, не исчезнувшее. Наташа уже не придумывала, как привлечь внимание, как задать нужный вопрос, чтобы все сразу стало легко и ясно, чтобы мама успо-

коила и сказала, что все хорошо. Она чувствовала, что сейчас не может ничего сделать, что бессильна перед чем-то, от чего мама стала такой грустной. Осторожно отогнув одеяло, Наташа медленно, чтобы не разбудить маму, легла рядом с ней, укрывшись краешком, который смогла вытянуть из-под ее руки. А та, видимо во сне, обняла ее.

Папу хоронили скромно, с домашними поминками, на которые пришли его друзья и тетя Света с мужем. С самого утра в день похорон было непривычно холодно, и Наташа, которую мама укутала и посадила рядом с собой на сиденье «газели», жалась к ней и поглядывала назад, где отсутствовали сиденья как в обычных маршрутках и вместо них стоял большой красивый лакированный ящик. В нем лежал папа, и, наверное, ему тоже было холодно. Понять, что именно сейчас с папой, было сложно. Когда объясняли мама и тетя Света, казалось, что есть какая-то далекая страна, куда все люди в определенный момент уходят. Наташа слушала тогда, поглядывая за окно и представляя, как где-то там, дальше облаков, есть эта страна, и еще есть папа, здоровый и улыбающийся, как всегда, когда возвращался с работы и ловил ее на руки. Но того, что он еще частично здесь, она не ожидала. В морге она долго смотрела на осунувшееся восковое лицо со страшно вздутыми губами, словно он держал что-то во рту. Это был будто бы и папа – и одновременно не он. Что-то чужое было в его лице, и уже трудно было представить,

что сейчас он откроет глаза, поднимется и улыбнется ей. Такой папа уже не мог улыбнуться. Только в машине, вцепившись в рукав мамино пальто, Наташа начала плакать. Не навзрыд, как мама в морге, и в церкви, и потом на кладбище, пока не устала от слез и не замолчала, пустыми глазами глядя, как ящик опускают в землю. Нет, Наташа сидела и поглядывала через стекло, а потом на ящик и снова на небо, и по щекам бежали дорожки слез. Она еще не осознавала, насколько страшна потеря, не понимала этого непоправимого «никогда», но начинала представлять, что теперь что-то в ее жизни осталось позади и папы уже не будет.

* * *

Поезд прибыл на станцию вечером, около семи. По осени в это время было уже темно. Марина с горем пополам сгрузила из вагона огромный чемодан – вещи пришлось забирать все: ехали надолго. То есть Наташу она везла сюда надолго. До сих пор не осознавая, что оставит дочку и завтра сама одна сядет в такой же поезд, женщина подхватила невесомую Наташу и опустила на мокрую от прошедшего недавно дождя платформу.

– Стой, – бросила она не своим голосом, забираясь за вторым чемоданом на подножку.

Наверное, сейчас и надо было быть другой, мягче, нежнее, но сил на это не хватало, как только Марина представляла,

что ждет впереди. Продать квартиру и заплатить все долги, а потом в Томск, где жила знакомая по институту, обещавшая ее куда-нибудь пристроить. С высшим образованием в их городке было нечего делать, хорошо было, когда Саша устроился водителем фуры, ему платили нормально, а Марине приходилось ютиться на грошовых местах, и работу она меняла довольно часто. Теперь выбора не оставалось: кредит выплачивать было нечем, – и, чтобы вернуться за дочкой, надо было освоиться и найти жилье в Томске. На это Марина планировала потратить полгода максимум. Но вот с продажей квартиры, с переездом... О том, что может получиться больше, Марина старалась не думать, просто стаскивала с поезда второй чемодан, перетянутый Сашиним ремнем. Теперь нужно было просто не останавливаться, ни за что, как бы ни было тяжело и больно, и чем быстрее она возьмется за все это – тем лучше.

Оставшись вдвоем на пустой платформе, мать и дочь некоторое время отдыхали. Об остановке предупредили поздно, а сама Марина забыла, где выходить, и они вскочили с мест, уже когда поезд тормозил. К матери она последний раз ездила много лет назад, и с тех пор станцию переименовывали дважды, пришлось перед покупкой билета узнавать название. Вдалеке виднелись с десятков пятиэтажек за редкой полосой леса, которые в поселках преувеличенно называли городом, но больше частные дома. Они начинались уже здесь и дальше шли в глубь еще редкой здесь, у станции, тайги.

Туда и нужно было ехать по старой дороге, когда-то вдоль и поперек исхоженной Мариной, выросшей здесь и ходившей до школы по несколько километров в день. Наташа, за последние пару недель совсем притихшая и переставшая говорить, молча смотрела, как мама присаживается на чемодан. Марина сделала над собой усилие и подтянула дочку поближе. Теперь от этого было только больнее.

– Устала? – спросила женщина, сама выбившаяся из сил после долгой дороги. – Ничего, скоро приедем к бабушке. Вот бабушку увидишь... – Она посмотрела в темно-карие глазки дочери, и ком подступил к горлу.

Глаза Сашины. Последняя часть ее счастливой новой жизни должна была остаться там, где она провела детство: в поселке, вдалеке от городов, где магазин один на десятки километров и «скорую», если что, ждать несколько часов. Мысленно пообещав себе, что вернется через полгода, и ни днем позже, Марина обняла дочку, и та, как покачнувшийся столбик, облокотилась о ее плечо.

– Ты что? – засмеялась мать, пряча слезы. – Совсем обесилела? Бабушка щи варит, даже лучше, чем у меня, получаются, на своей-то капусте, поешь – силенок-то прибавится. – Она попыталась в шутку потормошить девочку, но та вдруг сама вцепилась в нее, обняв за шею. – Скоро приедем... – выдохнула Марина, безразличным взглядом глядя вслед поезду, теряющемуся из вида за поворотом и полосой леса. – Скоро, моя хорошая...

Смотритель на станции с сомнением поглядывал на хрупкую на вид женщину лет тридцати пяти, в одиночку волочившую чемоданы к автобусной остановке. Помогать он не напрашивался, да Марина и не ждала. Как по команде, всё, в чем раньше ей помогали другие, теперь резко стало ее личным делом. Автобусы от станции ходили аккуратно под расписание поездов, и сегодняшний семичасовой затормозил на остановке. Был еще ночной поезд, но там уж добирались бы сами – ночами автобусов тут не было. Снова возня с чемоданами. Они оказались в салоне одни – больше на вечернем никто не приехал.

Наташа заинтересованно смотрела в окно. Откуда-то из-под платформы на тропинку, по которой они минуту назад шли, высыпали щенки, совсем еще маленькие, на шатающихся лапках. Мать лежала поодаль, видимо выпустив их, когда чужие люди отошли от их убежища на безопасное расстояние. Внимательно и даже с какой-то гордостью она смотрела, как они бегут, спотыкаясь друг о друга и пытаясь кусаться, делая смешные кувырки и тоненько твякая. Мигом вымазавшись в луже грязи, щенята стали возиться друг с другом, а один, отделившись от группы, с интересом наблюдал за автобусом. Заметив это, Наташа подняла руку и медленно помахала ему, чуть задевая пальчиками холодное грязноватое снаружи стекло. Щенок не завилял хвостом, не бросился вперед – не с чего было, вряд ли он понимал, каким жестом люди приветствуют, – но заметил ее, и с этого

момента неотрывно смотрел на девочку.

– Мама! – Наташа обернулась, подергав маму за руку. – Мама, смотри, собачка! – Она заглянула в лицо Марине и еще потрясла. – Собачка...

Та обернулась, посмотрев, куда указывала Наташа, но не сфокусировав взгляд на предмете. Мысли ее были далеко.

– Да...

Марина помнила, как уезжала отсюда много лет назад. Как хотела вырваться из опостылевшей жизни в здешних местах, напоминающих болото, затягивающее своим однообразным мерным течением дней, губительной привычкой, верой, что и так живут, и это нормально. Катастрофические уединенные и почти отрезанные от внешнего мира поселения контактировали с ним по-минимуму. Вернуться и остаться сейчас здесь означало бы заживо похоронить себя. Хоть их город, где жили с Сашей, не был даже районным центром, там по сравнению со здешним пейзажем кипела жизнь. Да и планы были большие...

С Сашей Марина познакомилась, когда уезжала учиться. Ей к окончанию института было уже под тридцать – на учебу решила поздно; ему – чуть больше. Не красавец, но, как любила потом оправдывать мать, мужчина видный, разведен – с первой женой расстались незадолго до знакомства с Мариной. Брат не одобрял, но Марине было все равно, она уже тогда понимала – Олег ничего хорошего ей в жизни не желает, и мать он не отпустит, ему так легче, когда все вертится

вокруг него. А у нее, Марины, пусть будет своя жизнь. Жилья у Саши не было – квартира осталась первой жене, – но с милым и в шалаше рай. Сначала снимали комнату, копили деньги. Потом решились – кредит и квартира. Нужно было, так как хотели ребенка. «Вытянем», – уверенно говорил Саша, и Марина всегда верила, потому что он не подводил, за ним – как за каменной стеной. До чего не похожа она сейчас на ту молодую статную женщину, шуструю, веселую, и красивую – в мать, у той тоже в молодости были густые темные волосы, она была фигуристой и привлекательной. Счастье от рождения дочери сглаживало все, и даже бедность. Приходилось платить в месяц большую часть Сашиной зарплаты, благо Света, найденная уже там, в городе, лучшая подруга помогала с Наташей, и уже через два года Марина сама устроилась на работу, на неполный день, чтобы забирать из садика дочку. Летом Света брала Марину к себе, и денег за то, что сидит, не просила. Тогда казалось – все по плечу, всего можно добиться, но только вместе. Сейчас в памяти оставалась только боль. Вот отсюда она уехала в новый дом. Дальше были надежды, дочка, счастье, планы. А потом...

Что будет теперь, она не могла предсказать. Мама согласилась приютить Наташу, пока дочь уедет. О жизни с ней и семьей брата и речи быть не могло, Марина и Олег никогда особо не ладили, а теперь наверняка стало бы и того хуже. Уж он-то не станет сочувствовать, и у него есть оправдание – сама на это шла, сама выбирала, ехала, считай, в никуда,

за одной только любовью, вот и получай. От мысли, что она отдает этим людям Наташу, сжималось сердце, но Марина успокаивала себя – мать хоть и бывала слепа и шла на поводу у сына, но всегда любила ее, несмотря на ее выбор, и по телефону твердо сказала – привози, Олег своей семьей занят, а с Наташей я сама справлюсь. Конечно, несладко будет маленькой с чужими людьми, но оставлять ее на Свету Марина не решилась, и так уже слишком много та ей дала, да и как-никак мать все же.

Отношения их складывались сложно. После ее второго брака Марина все чаще чувствовала, что на первое место у матери выходит муж, а с ним и ее брат. То ли мать угодить старалась, то ли искренне пыталась заменить Маринино отца новым мужем, утолить горе, но семья для нее стала новой, и Марине словно не были в ней рады. Олег всегда этим пользовался и, когда Марина решила уехать, не возражал, только говорил, что глупо. Однако через какое-то время мама стала звонить, потом приехала посмотреть Наташу. Вроде бы улеглось, уладилось. Впрочем, Марине всегда было легче принимать все как есть и не осуждать. У каждого путь свой.

Автобус тронулся, а Наташа все смотрела на щенка на тропинке. Маленький, глазки-бусинки, но толстенький – видимо, молока у матери много, и щенок был похож на шарик на трогательных толстых лапках. Девочка развернулась на сиденье, чтобы до последнего можно было на него смотреть. Марина, наконец заметив, чем увлечена Наташа, обернулась.

– Наверняка у бабушки есть собаки, – попыталась она привлечь внимание дочки и хоть как-то заинтересовать ее. – Может быть, и щенки... И курочки с цыплятами. Знаешь, какие маленькие цыплятки? На ладошке помещаются.

– А можно с тобой? – Наташа развернулась и посмотрела на нее, почти как тот щенок, темно-карими глазками-бусинками.

– Я приеду за тобой... очень скоро, – пообещала Марина.

Местность вокруг почти не менялась с момента, когда она была тут в последний раз. Точнее, возможно и менялась, но особой разницы не было. Они ехали через лес, порой перемежающийся открытыми местами со стоящими вразнобой домиками. Дворы здесь были куда больше, чем в дачных поселениях, которые проезжал по пути поезд. Более приземистые бревенчатые дома, амбары, как в старину, пристройки для скота. Тут жили не коротким летом, а круглый год, и по старинке топили печи, хотя электричество в большинстве населенных пунктов было проведено, и еще во времена детства Марины на почте был телефон. И все это было окружено лесом, густым и непроходимым, если отойти чуть дальше череды поселений. В детстве Марина даже видела в этих лесах волков, что для города казалось диким – настоящие волки в километре от дома, со светящимися глазами. Про лесные стаи тут ходили легенды.

Как задрали охотника, как отбивали от стада коров, когда летом их выгоняли на заливные луга. Как пробирались в де-

ревни... Во времена ее детства видела она их всего несколько раз, но привычно было слышать истории стариков, как по этой же дороге еще на лошадях добирались в былые годы до станции, когда это был единственный транспорт, и в пути их сопровождали по обочинам горящие глаза. Еще мама Марины рассказывала, как натерпелась страха, когда ехала раз одна, а лошадь наотрез отказалась идти и с трудом удалось заставить ее миновать место, где стоял и наблюдал за ней волк. Но самой Марине страшно никогда не было. И привычка, и осторожность, и уверенность, что, пока в поселке люди, стаи не сунутся, делали свое дело. Не тот век, чтоб бояться волков больше, чем людей.

Дорога была долгой, и по мере удаления от путей все более тяжелой. Автобус подпрыгивал на рытвинах, его трясло, брызги от колес летели до самых стекол, и Наташу начало укачивать. Девочка, вся бледная, прилегла Марине на колени. Наконец не было опасности, что она увидит ее слезы. Поглаживая по голове и придерживая за плечо дочку, Марина то и дело тыльной стороной ладони протирала глаза: «Ничего, моя хорошая. Ничего... Проживем и так. Заберу тебя сразу, как только комнату найду. А то и квартиру. В школу хорошую пойдешь. Снова будем с тобой засыпать вместе, как будто папа в дороге где-то... А он будет с нами, вот увидишь. Только потерпи...» То и дело пальцы сами начинали гладить обручальное кольцо. Марина не сняла его, решила – так и поедет в Томск. Она еще довольно молодая, а муж-

чины разные попадают, кто поймет, а кто и нет. Поэтому для остальных – муж с дочкой остались, а она уехала. Так решили. И не ваше дело.

Наверное, мать встречала их уже днем, выходя на дорогу, как делала прежде, когда, бывало, ждала Маринино отца. Марина узнала мост через неширокую местную речку, где в детстве купались, и растолкала Наташу, заматывая в шарф, заставив себя улыбаться и говорить что-то, зная, что как только увидит мать – все старания пойдут прахом. И точно, стоило заметить вдалеке на обочине знакомую фигуру, как снова подступило. Наташу мама видела всего раз, когда сама приезжала к ним.

Наверное, Олег был недоволен, потому и не зачастила с визитами. Уже издалека она помахала, будто можно было не заметить ее одну на дороге. А стоило выйти – тут же бросилась обнимать, сначала дочку.

– Мам, чемоданы... – сдавленно произнесла Марина, которой было немного неловко – все же слишком давно они не виделись.

– Ой, сейчас!

Поняв ее слова как просьбу, мама быстро заскочила в автобус и начала передавать вещи. На некоторое время обе оказались заняты. Наташа, стоило закончить и обратить на нее внимание, юркнула за Марину, обхватив сзади ее ноги.

– Ты куда? – засмеялась женщина. – Вылезай, обними бабушку. Не помнишь ее? А бабушка тебя видела, ты тогда со-

всем маленькая была. Баба Поля. – Она, а сама неуверенно взглянула на мать – так?

– Ната-ашенька! – Та наклонилась, чтобы видеть лицо девочки, на ее щеках разгладились морщинки, сейчас она выглядела такой привычно радостной, словно бы и не было долгой разлуки, и Наташу видела часто, и ждала их как родных. – Здравствуй, вну-ученька, – ласково улыбнулась она, растягивая гласные. – Какая ты краси-ивая, так давно я тебя не видела, и не думала даже, что ты у нас такая красивая будешь! Ты что спряталась? Иди сюда.

Наташа не могла не нравиться. Света как-то сравнила ее с куколкой, фарфоровой куколкой, какие продаются в красивых платьях и с высокими прическами на лентах. Такая же белая кожа, такие аккуратные точеные черты детского личика, ни одного грубого изгиба губ, бровей. Она была в маму, женская красота передавалась у них через поколения. Курносенькая, с темно-каштановыми кудряшками и большими глазами девочка, стеснительная и оттого еще более милая, она у всех вызывала похожую реакцию. Но шла не ко всем. Сейчас осторожно, с опаской выглядывая из-за ног Марины, девочка изучала бабушку. О существовании бабушки Наташа знала только по рассказам мамы. Марина говорила о матери, показывала фотографии и обещала, что когда-нибудь они все вместе поедут к ней в гости, но в душе мечтала, что произойдет это не скоро. И уж точно не так... Не чувствуя особого радушия между Мариной и бабой Полей, Наташа са-

ма насторожилась и пока не выходила.

– Ну как вы доехали? – голосом, каким обычно говорят с детьми, спросила мать, и Марина чуть поморщилась – ей казалось приторным и неумелым такое обращение с ребенком, сама она не говорила с дочкой как с новорожденным котенком.

– В автобусе укачало, – как можно более спокойно ответила она за Наташу, понимая, от кого ждут ответа.

Мать еще некоторое время подмигивала девочке, протягивая руку и подзывая ее, но Наташа не шла. Марина знала, что будет дальше. Поднявшись в рост, мать посмотрела на нее и закусила губы. Только сейчас не хватало этой жалости! И так у Марины уже подрагивал голос от нахлынувших воспоминаний, так еще и она начнет плакать – тогда все, пиши пропало.

– Давай дома, мам, – попросила она. Та быстро закивала, смутившись:

– Конечно, моя родная, конечно... – И все же, проходя рядом, провела рукой по ее плечу. – Пойдемте, голодные, наверное, я щей наварила...

Марина не могла не улыбнуться, и все же подступили слезы. Мамины щипки были у нее символом детства. Теперь в такое же детство она отдавала, оставляя тут, Наташу. Надо было собраться, что же будет дальше, если уже сейчас она готова была расклеиться.

Просторный двор, огороженный забором, показался ей

каким-то пустым и неуютным. Открывая калитку, изнутри имевшую массивную щеколду, мать с силой дернула ее – и забор качнулся. После городских квартир невольно хотелось сравнивать. Старая тропинка вела тем же путем, даже ее изгиб к колодцу Марина помнила. Дом всегда казался старым, но был прочным, построенным на совесть. Чуть в стороне – амбар для скота, покосившийся сарай, словно за много лет Олег так и не взялся подлатать хозяйство. Впрочем, по хозяйству здесь всегда была главной мать. Наташа шла за Мариной как привязанная, шлепая сапожками по грязи. Даже ранней осенью бывало сыро и холодно. В конуре возле калитки сидела на цепи унылая собака, дворняга – здесь породистых не держали. Проводив новых людей печальным взглядом, она не залаяла. То ли слишком умная, то ли слишком забитая.

Чемоданы мать сразу понесла куда-то в дом, пока Марина раздевалась в сенях и снимала шарфик и куртку с Наташи. Девочка смотрела на все удивленно и робко, но пока не испуганно. Любопытство очень часто заглушало в ней страх, и Марина надеялась, что полгода с бабушкой она воспримет просто как новый опыт и не станет бояться незнакомых людей после жизни здесь.

На шаги, от которых поскрипывал и вздрагивал пол, первой обернулась Наташа, пока мама возилась с молнией курточки. Обернулась и увидела высокого мужчину, на вид старше мамы, в спортивных штанах и теплой жилетке поверх ру-

башки. Он остановился, небрежно облокотившись о стену, глядя на девочку. Пахнуло табачным дымом и еще чем-то едимым и не очень приятным. Марина, не спеша оборачиваясь, чтоб не казаться затравленной и растерянной, сняла с дочки куртку и только тогда развернулась.

– Здравствуй, Олег, – не нашла ничего лучше, чем так поздороваться она.

Хоть Олег на самом деле был моложе не, внешне определить это было невозможно. Лицо у него было совсем не такое живое и чистое, как у сестры, а скорее не то загорелое, не то серое. Крупный нос и низкий лоб достались от отца. Наташе показалось, что его глаза какие-то... прозрачные. Словно внутри них была вода. Ни искорки. Не думая о том, почему боится, девочка в первую минуту невольно замерла. Когда мама заговорила, она поняла, что та знает этого человека, и чуть смелее оглядела его с головы до ног. Но в глаза смотреть все же больше не стала.

– Привет, – негромко откликнулся Олег хрипловатым голосом, изучающе глядя на девочку, пока пауза не стала слишком долгой. – Ну что встали, проходите. – Он наконец развернулся, направившись в кухню.

Вот и все. Вот все, что ждет ее здесь. Марина почти со злостью проводила его глазами. После смерти Саши, после стольких ночей без сна, долгого пути и такого трудного решения оставить им дочь – вот все, что будет. Нет, не стоило возвращаться, теперь она понимала, что не стоило. Отдавать

девочку тому, кто с порога дает понять, что их не ждали, было ошибкой. Но они уже приехали, и Марина все еще пыталась убедить себя, что выхода нет.

Кухонька с низким потолком всегда была центром дома. Они собирались здесь всей семьей, когда еще была семья. На столе стояли старые деревянные солонки, которые Марина помнила, которые со временем потемнели, но сохранили рисунок по бокам, и которые берегла еще ее бабушка. Они стояли тогда в шкафу, теперь же, судя по состоянию, ими пользовались. Поморщившись от ударившего в нос запаха чего-то горелого, Марина вошла и усадила Наташу на старую лавку, какие всегда бывали в деревнях. Наташа покорно села, но стоило матери опуститься рядом – снова вцепилась в ее руку. Так хотелось, чтобы они были здесь гостями, и можно было, повидав мать, встать и уйти. Как можно скорее. «Прекрати», – мысленно приказала себе Марина.

– Голодные, мои хорошие. – Мать вернулась уже без вещей, и начала хлопотать с ужином.

Она явно намеренно старалась не смотреть на Марину. То ли понимала, что говорить особо не о чем, то ли боялась это понять. Марина молча наблюдала за ней, подмечая, как много стало морщин на лице и руках, как ввалились щеки и глаза, как она похудела и постарела. А ведь матери было всего чуть больше шестидесяти... Неожиданно кольнуло на сердце, словно от испуга, ведь она ничего не привезла ей! Можно было спросить по телефону, не надо ли чего, лекарства, ве-

щи, ведь что достанешь в местном магазине... Но Марина не спросила. Слишком была занята своим, не подумала. Как и всегда, они вроде бы и говорили, но и не слышали друг друга. Попытавшись что-то исправить – наверное, зря, – Марина неуверенно произнесла:

– В другой раз позвоню заранее, скажешь, может, что привезти.

Ответ матери был ожидаемым.

– Да ничего не надо, обойдемся, у нас все есть, – ничуть не пытаясь обидеть, искренне начала уверять она, уже постарушечьи взмахивая руками.

Марина только снова поморщилась, понимая, что мать не хочет затруднять, не принимая такой ненужной заботы.

– Сама же говорила, выбираетесь нечасто. Мать схватила со стола солонку и начала вертеть в руках.

– Да ничего не надо, главное *ты* приезжай, – так искренне и с такой тоской вздохнула мать, что Марина шумно поставила солонку на стол. – Ой, все, даю, даю, мои хорошие, – тут же заулыбалась сквозь эту горькую тоску мать, доставая глубокие тарелки, и, хотя еще никто и не говорил, что голоден, все повторяла: – Проголодались...

Она создавала столько ненужной суеты, что это сглаживало неловкость. Марина не хотела видеть ее слез и не хотела говорить о прошлом, когда так легко покидала этот дом, уверенная, что без нее матери будет только лучше, легче. Осознание того, что ошибалась, накрывало волнами, плюс еще

новая тупая недавняя боль никак не отпускала сердце. Но она вдыхала и делала каменное лицо, чтобы сохранить силы. Для слез будет время, когда вернется, когда будет перебирать Сашины вещи, что-то отдавая, что-то забирая с собой, что-то отпуская, будет время ночами, когда никто не увидит.

– Привет, Марин. – В кухню зашла Зоя, жена Олега.

Наташа ощутимо придвинулась ближе, и Марина обняла дочку за пояс. На них здесь смотрели со смесью непонимания и настороженности, но никак не с жалостью. Женщина в упор встретила взгляд Зои, которая, видимо, уходить не собиралась. Она была здесь теперь хозяйкой и наблюдала, как мама Марины со вздохами и сетованиями, что мало мяса осталось, разливает и ставит перед ними тарелки.

– Здравствуй, – глухо откликнулась Марина.

Зоя совершенно непроницаемым взглядом посмотрела на нее, но когда перевела глаза на Наташу – губы ее чуть дрогнули в улыбке.

– Я уже комнату для нее убрала, а мама сказала, что ты уедешь, – произнесла Зоя, проходя и садясь напротив, и изобразила улыбку. – Ну что, Натуська? Привет! Я тетя Зоя, давай знакомиться.

Почему-то Зоя теперь называла мать Марины тоже мамой. Марина мало о ней знала: брат женился, когда она уже практически не жила с ними, и Зою она видела всего несколько раз. Помнила, как в попытке подружиться ходили вместе на речку, но разговора не завязалось, и шли тогда больше в

молчании. Зоя вообще была, на ее взгляд, тихой, молчаливой, особенно с мужем. Такую женщину и надо было Олегу – чтоб ни во что не лезла, не пилила, только слушалась. Они были даже чем-то похожи с ним внешне – у Зои было такое же странное выражение глаз. Сейчас, когда она вроде как улыбалась, глаза оставались беспристрастными и холодными. Марина отвела взгляд, а Зоя все пыталась разговорить Наташу.

– Останешься у дяди и тети? – Она явно пыталась придать голосу дружелюбия и веселости, но выглядело, как и у матери, немного не по-настоящему.

Наташа, с подозрением посмотрев на тетю, замотала головой. Молодец, дочка.

– Слышишь, комната у тебя своя будет. – Марина снова постаралась улыбнуться, доставая платочек и вытирая ей носик. – Мы же с тобой всегда хотели тебе комнату сделать, когда переедем, вот теперь попробуешь, не скучно ли будет одной.

Наташа молчала. К еде она пока не притронулась, даже ложку не взяла. Марина поняла, что дочка не заговорит, и просто успокоила ее напоследок:

– А не захочешь – будем, как раньше, вместе, ладно?

Девочка только посапывала, не отвечая. Она растерялась, вокруг были помимо бабушки еще незнакомые люди, и Наташа пока не знала, хорошие они или нет. Ей еще помнился мужчина с пустыми глазами, и не хотелось оставаться тут

без мамы.

– Справится, – констатировала Марина, скорее чтобы заверить себя, чем чтобы не дать Зое повода понять ее невеселый настрой. – Только кровать высокую не ставьте, – попросила она, отламывая хлеб.

Мама пристроилась возле плиты, глядя, как она сама дает Наташе в руку ложку и девочка начинает мешать ею сметану в тарелке. Неповоротливые и милые детские движения Наташи заставили снова улыбнуться даже Зою.

– Ты как сама? – спросила она, не глядя на Марину, как бы между делом.

Марина совсем не хотела есть. Аппетита не было ни когда приехали, ни теперь, а в желудке было неприятно пусто, потому что он то и дело сжимался, как от прыжка с высоты, от каких-то мыслей, воспоминаний. Но надо было поесть, она голодала с самого утра, и начинала кружиться голова.

– Уже лучше, – соврала она, даже не зная, что поймет Зоя под этим «уже», то ли ее состояние сразу после Сашиной смерти, то ли что еще.

Это было неважно. Марина не знала, как говорить с ней, и подошел бы любой вариант начала разговора.

– Смотрю, тут мало что изменилось, – продолжила она, откусив хлеб, не волнуясь, что говорит с набитым ртом.

– Тут вообще мало что меняется, – не стала продолжать Зоя.

Некоторое время они сидели молча, Марина и Наташа

ели, Зоя просто задумчиво смотрела в сторону.

– Я все вещи ей собрала, – заговорила Марина, поняв, что иного момента все подробно рассказать может и не представиться. – И лекарства. Потом расскажу тебе, я написала в тетради, что ей от чего помогает, что нельзя есть. Зимние вещи в большом чемодане, остальные и все прочее – в том, что поменьше.

– Разберемся, – отвлеченно улыбнулась Зоя, словно уже и так являясь хозяйкой и чемоданов, и Наташи.

– У вас ведь дочка? – спросила Марина через минуту, отставляя уже пустую тарелку.

– Две дочки, – немного холодно ответила Зоя. Этот голос подходил ей больше.

Наташа больше возила ложкой, чем ела. Марина забрала ее у дочки и стала кормить сама. Конечно, Наташа все делала самостоятельно, все умела, но и спала порой с мамой, и кормить ее из ложки Марина любила, это было игрой – девочка сама клянчила, упрасивала, а потом садилась и старалась схватить ложку губами до того, как мама ее поднесет. Иногда что-то падало, и игра прекращалась до следующего раза, пока Наташа снова не начинала клянчить, и мама снова не уступала.

Зоя, понаблюдав за происходящим, встала.

– Смотри, я тебя так кормить не буду, – вроде бы миролюбиво, но как-то не очень искренне усмехнулась она.

– Ее кормить не надо, она сама ест, – произнесла Марина,

стараясь, чтобы голос не звучал раздраженно. – Просто иногда так тоже любит.

Зоя хмыкнула и вышла.

– Это она сейчас такая, а потом привыкнет, – тут же начала мать с придыханием, как раньше называла такую манеру Марина – как плохая актриса.

– Мам, я прошу.

Теперь последняя надежда, что Наташу тут полюбят, была потеряна. Марина почти дрожащими пальцами держала ложку, а девочка ела, от нее принимая и «жижицу», и «густы-шу», все, что сама никогда не мешала и цедила по отдельности.

После ужина пошли смотреть комнату. Маленькая комнатуха, больше похожая на чулан, Марине не понравилась, но выбора не было.

– Раньше тут детская была, – заметила Зоя, пока Марина раскладывала Наташины вещи в небольшой шкафчик. – Мы когда Иру приучали одну спать, дверь открывали, можно и Наташе оставлять открытой. Дом старый, тут все шумит.

– У нее ночник есть. – Марина опустила на шкафчик небольшой прозрачный шарик с вилкой, которую вставляли в розетку, и шарик горел разными цветами, давая в темноте плавное мягкое освещение. – Будет куда включить?

– Конечно, вон розетка. – Зоя все говорила будто с долей скуки, и Марина уже волновалась, запомнят ли они с матерью про лекарства.

– Мама, вот сюда кладу, не потеряйте. – Она положила тетрадь в верхний ящик и похлопала по ней. – Все здесь, слышишь? Никакого самолечения не надо, она не привыкла, у меня расписано по сколько чего давать.

– Не волнуйся, не волнуйся, все разберемся, все будет хорошо! – кивала мама.

– А где твои? – спросила Марина у Зои.

– Младшая Оля спит, а Ира у соседей, с подругой они там.

Детей Марина увидела позже, когда уже закончила оборудовать комнату для Наташи. Старшей оставался год до школы, и Олег с Зоей планировали отвозить ее каждое утро на автобусе до станции – именно там, помимо магазина и больницы, стояла одноэтажная сельская школа. Переезжать куда-то из-за такой ерунды, как образование для детей, они не планировали. Олег работал, перевозя грузы на служебной машине в поселке, и чаще всего несколько дней вне дома чередовались у него с несколькими днями отдыха. Зоя работу не искала. «Совсем как мы раньше, водитель – и просто мама, – подумалось тогда Марине. – Только и совсем по-другому. Как же страшно тут жить. Как скучно...»

Ира была девочкой бойкой и сама первая спросила Наташу, как ее зовут. Всего на год старше – но у детей разница так заметна. Тоже похожа на маму, круглое личико, светлые волосы. Наташа робко ответила, и Ира, не расслышав, тут же спросила у матери:

– Мам, а как девочку зовут? Я не поняла.

– Наташа, – ответила за ее мать Марина. – Ее зовут Наташа. А это Ирочка. – Она положила руку дочери на плечо. – Будете играть вместе, не скучно будет.

– А мне не скучно, – тут же выдала Ира, отправившись по своим делам и не проявляя к Наташе особого интереса.

Младшей Оле было три с половиной, и в этом возрасте девочка еще очень плохо говорила. На Наташу она смотрела с подозрением и тоже не стала сразу знакомиться.

– Привыкнут, – отмахнулась Зоя.

Видимо, так она их и воспитывала, и потому у старшей не закрывался рот от почемучек и просьб все сделать за нее, а младшая тихо сидела на месте и наблюдала за Наташей. Разные характеры, наверное, развились сами, вряд ли Зоя старалась успокоить или разговорить и помочь стать активнее кому-то из дочерей.

Эту ночь Марина ночевала с Наташей, а завтра должна была уехать. В последний раз причесывая девочку перед сном, заплетая волосы в косичку, она чувствовала, как все больше холодеет на сердце, как хочется скорее сбежать, лишь бы не видеть, не быть здесь, лишь бы не было такой болезненной надежды, шанса забрать ее и уехать вместе, а там – будь что будет. Наташа понимала настроение матери, и стоило выключить свет – прижалась к ней под одеялом и не отпускала.

– Когда приеду, у меня будет уже новый дом для нас, – начала шепотом рассказывать Марина, глядя дочку по голове. – И сделаем все-таки тебе свою комнату, просторнее

этой, – твердо решила она. – На будущее-то все равно нужно будет. И обязательно повесим твои рисунки, все, что были для папы, ладно?

Город там большой, красивый. И там ты пойдешь в школу, когда мы приедем. Хочешь пойти в школу? – Марина улыбнулась, когда девочка слабенько закивала. – А потом поедем с тобой на море. Папа нас хотел отвезти на море, помнишь? Там всегда тепло, будем купаться с тобой, научишься плавать. И будем загорать, на шезлонгах, знаешь что это? Такая большая удобная раскладушка, поставим ее на берегу и будем греться, слушать волны. Да, моя хорошая?

Марине словно самой нужнее было говорить это, и чтобы Наташа отвечала, чем дочери.

– Мамочка, – Наташа вдруг подвинулась к ней вплотную и зашептала на ухо, – а папа тоже будет с нами на море... с неба смотреть?

Марина закрыла глаза:

– Будет, моя хорошая. Он теперь всегда будет с нами. Только не на земле, а вот тут. – Она коснулась рукой груди девочки. – Мы его любим, и он всегда будет с нами.

Уезжала Марина рано, но Наташа вскочила с кровати сразу вслед за ней и сидела рядом, пока бабушка хлопотала с завтраком, а Марина через силу ела. Мать уложила ей с собой целый пакет всего – в дорогу. Автобус вышли ждать заранее, и Марина держала Наташу рядом, распахнув пальто

и обернув ее с боков, прижав к своим ногам. При маме не хотелось проявлять слабость, да и дочку слезами бы только напугала. Поэтому она молча гладила Наташу по голове. Та стояла неподвижно, глядя на дорогу. Автобус задержался, но отправить Наташу греться домой с матерью у Марины не повернулся язык. Было так тоскливо и больно, будто свою душу оставляла здесь. Наверное, так и есть.

Когда подъехал автобус, начали спешно прощаться. Расцеловав дочку, Марина еле отняла ее от себя – Наташа как повисла на шее, так и не отпускала.

– Береги ее, – наказала она матери. – Полгода, не больше, потом приеду. Ты обещала, что будешь беречь.

– Да конечно, конечно, – со слезами уверяла та, тоже обнимая дочь.

Марина первый раз за все это время от души ответила, обхватив худые плечи и прижав мать к себе. От нее пахло кухней и чем-то залежалым, как в их кладовой.

Уже из окна Марина видела, как Наташа с бабушкой машут ей, стоя на дороге, пока автобус не скрылся за поворотом. И думала, что все могло бы быть иначе. Мать могла бы жить с ними, увезти ее отсюда – и оставляли бы на нее Наташу, и была бы опора, когда все случилось, и ехали бы сейчас вместе. Как-нибудь с трудом, но справились бы. Только вот не оставила бы она тогда Олега, не согласилась бы... В какой-то момент Марина с удивлением поняла, что не плачет, просто сидит в расстегнутом пальто, дрожа от холода,

и комкает в руках платок. Вернется, заберет дочь, и будет и новый дом, и море, и все что захотят. Обязательно. Уже у станции снова заметила она щенков под платформой. Все они мирно спали, свернувшись калачиками возле матери. Не сдержавшись, она подошла, достав из пакета зажаренных для нее матерью котлет. Собака настороженно поводила глазами, но когда поняла, что кормят, завилыла хвостом и отпустила уже нюхающих воздух щенков, тут же побежавших толкаться возле лакомства на куске газеты.

* * *

Со дня отъезда мамы прошла неделя, и Наташа никак не могла привыкнуть к новому месту. Все здесь было чужое и непривычное. Дом стоял на краю леса, и права была тетя Зоя – ночами тут было страшно. Скрипы и свист ветра в щелях не раз заставляли Наташу просыпаться ночами, и она сама вставала и закрывала оставленную тетей Олей открытой дверь. Уж лучше было закрыть и остаться в маленькой комнатке с ночником, чем слушать, как где-то в доме тихонько шлепает по полу и скребется что-то невидимое, а по чердаку словно кто-то ходит.

– Это ветер, – успокаивала бабушка, когда Наташа говорила, что ночами слышит что-то в доме. – Или мыши. Знаешь, как мыши скребут? – Бабушка сама скребла пальцами по столу. – Так?

– Так, – кивала Наташа и на время успокаивалась.

Ира ничего не боялась, она была такой непохожей на всех подруг Наташи, которых та знала в садике. Смелая, немного грубая, Ира порой была непредсказуема, могла засмеяться невпопад и вдруг резко хлопнуть в ладоши или стукнуть чашкой по столу. Она была «громкой», как точно назвала ее как-то бабушка. И сделать с этой громкостью было ничего нельзя – характер. Наташа нечасто общалась с ней, стараясь оставаться с бабушкой. Как и со второй двоюродной сестрой – Олей, которая ходила смурная и только порой о чем-то шепталась с Ирой, после чего та либо отмахивалась, либо начинала хохотать, и Оля обижалась.

Дядю Олега Наташа пока видела нечасто, только когда садились за стол. Он не особо обращал на нее внимание и сам был всегда каким-то грубым, отталкивающим. Все в его речи, движениях заставляло Наташу невольно его сторониться. Умей девочка рассуждать по-взрослому – наверняка провела бы аналогии с Ирой, и поняла, что дочка вся в отца. Родных детей он воспитывал отрывистыми приказами и просто своим присутствием, чего порой бывало достаточно, чтобы они ходили по струнке. Даже Ира держала себя в руках и не баловалась. А пару раз Наташа была свидетелем того, как она получала от отца подзатыльники и оплеухи. Самым удивительным было для девочки то, что Ира не плакала, не жаловался никому, да и вообще принимала все как есть. Это пугало. Значит, так тут принято, и так может быть и с ней.

Порой дядя Олег вставал рано и куда-то уезжал. Наверное, тоже работа, догадывалась Наташа. А когда было не так, он проводил все дни дома, и в эти дня Наташа старалась не показываться. Она пока не понимала, что за угроза исходит от него, но когда встречалась с ним глазами – чувствовала, что он не хочет ее видеть и не хочет, чтобы она была здесь.

Тетя Зоя первое время была ласковой и старалась подбодрить Наташу, как могла. Но девочка все равно чувствовала фальшь, когда старания были вымученными. Да и наскучивала она тете Зое очень быстро. Скромная и не привыкшая к чужим девочка с трудом представляла, как жить в частном доме со своим хозяйством, и хоть честно старалась принимать участие в жизни новых родственников – опыта у нее не было. В первый раз пойдя с тетей Зоей в небольшой курятник, обеспечивающий семью яйцами и мясом, Наташа, которой та дала корзинку для яиц, неосторожно повернулась и уронила одно. Тетя Зоя нахмурилась и ничего не сказала, но больше ее помогать не брала.

На третий-четвертый день она поймала скачущую во дворе Иру и попросила пойти пригласить Наташу погулять.

– А то сидит там одна, общается только с мамой, как не от мира сего, – сказала она.

Ира с порога забыла, зачем шла к Наташе, когда увидела у нее на кровати россыпь интересных вещей – игрушек, раскрасок, всего, что Наташа привезла из дома. Она тут же подошла и схватила приглянувшийся прозрачный шарик-ноч-

ник.

– А это что? – вместо приветствия громко спросил она, делая ударение не на слово «что», а на «это».

Наташа, проводившая ревизию вещей, поджала под себя ноги и немного отодвинулась, с беспокойством наблюдая за шаром в ее руках.

– Светик... – робко ответила девочка.

– Светик – это имя. – Ира глянула на нее, не понимая, что она делает и почему отодвигается. – А это что?

Наташа растерялась, не зная, что ответить. Светик всегда был светиком. Даже с мамой они его так называли.

– Ты говорить умеешь? – Бойкая Ира приблизилась к кровати, опершись о нее руками.

– Да, – ответила Наташа, не понимая, чего от нее хотят.

Говорить она умела обо всем и со всеми, но в последнее время какая-то преграда мешала ей это делать, от растерянности и неопределенности не было желания. А теперь она и вовсе часто проглатывала язык.

– А что это? – нетерпеливо повторила Ира.

– Светик...

Ира посмотрела на нее, будто не понимала, на каком языке она говорит. А потом вдруг развернулась и направилась из комнаты с ее ночником. Наташа некоторое время не могла понять, почему так и куда она идет. Конечно, и прежде дети в садике могли отобрать игрушку, и приходилось невольно играть с ними в догонялки, но теперь игра словно была дру-

гой. И не было той спокойной дружелюбной светлой комнаты, где воспитательница играла с ними и показывала мультфильмы, и в этом доме она не видела еще ничего хорошего. Вздвогнув от мысли, что Ира заберет светик себе, Наташа отбросила куклу, прыгнула с кровати и побежала за ней.

Та была уже на кухне, она подошла к матери, резавшей что-то за столом. Наташа, не решившись идти дальше, остановилась в дверях.

– Мам, а это что? – невозмутимо спросила Ира, будто вещь была просто находкой и хозяйка не стояла за ее спиной.

Тетя Зоя устало взглянула на шарик.

– Это ночник, дочка, – ответила она, не прекращая резать.

И в упор не видя Наташу.

– А что он делает?

– Горит.

– Как спичка? Или костер?

– Нет, Ириш, как лампочка. Вставь в розетку и посмотри.

Наташа не могла поверить. Мама всегда говорила ей, что прежде чем брать чужое – нужно спросить. Шарик был ее. А Ира просто так сейчас подошла к розетке и вставила в него вилку, после чего шарик засиял. «Она захочет оставить его себе!» – в ужасе подумала Наташа, отчаянно переводя взгляд на тетю Зою. Та словно вовсе не видела ее!

– Ух ты! – воскликнула Ира. – Я тоже такой хочу, мам!

– Купим, когда в город поедем. – Зоя сбросила в миску нарезанные овощи и убрала со лба волосы.

Ира, довольная, вынула шарик из розетки и, заметив Наташу, просто подошла и отдала ей. Девочка, все еще растерянная, приняла свою вещь назад. Ничего страшного не произошло, но неприятный осадок остался. Она помнила, как такое случалось раньше, и чувствовала разницу – тут никто не скажет Ире, что вещь не ее. Тут Ире можно, наверное, все.

Наташа поспешно вернулась к себе и быстро спрятала светик и все игрушки под одеяло.

Привыкшая быть единственным ребенком в семье, Наташа болезненно воспринимала то, что здесь на нее обращали внимание в последнюю очередь. Она видела, что тетя Зоя, в первую очередь выбирая для дочерей кусочки получше за обедом, кладет ей то же, что и всем. Наверное, ее ошибкой было сразу дать понять, что к их укладу жизни она не готова. Что не хочет отдавать Ире свой светик и что может разбить яйцо в сарае, где тетя Зоя занималась хозяйством и где жили большие животные, которых прежде Наташа видела только на картинках. Может быть, ее любили бы больше, участвуя она во всем этом, как Ира, целыми днями от скуки ошивавшаяся во дворе. Но Наташа не умела быть такой, при всей своей прошлой открытости и общительности она была осторожной. И, как любой ребенок, тонко чувствовала то, что взрослые пытались скрыть. А теперь и вовсе все больше замыкалась в себе.

Единственной, кто искренне полюбил девочку, была бабушка. Со временем привыкнув к мысли, что Марина не до

конца простила ее за то, чего недополучила в детстве, Полина старалась как можно больше сделать теперь для внучки. И поражалась, как могла пропустить, не заметить ее взросление, не приехать, не видеть Наташу столько лет. Олег был против, он не считал это обязательным. Городские жители, на его взгляд, были успешнее и куда счастливее, и переживания за Марину его с самого начала откровенно злили. Со временем Полина и сама привыкла, но теперь понимала – зря.

С бабушкой Наташа проводила больше всего времени. Она сидела с ней, когда та готовила, бабушка порой брала ее кормить курочек, но по просьбе тети Зои не поручала ей ничего нести. Бабушка вообще часто слушалась и дядю Олега, и его жену. Но на ее отношение к Наташе это не влияло, она всегда находила время поговорить с девочкой, расспросить про то, как жили в городе, про маму, и Наташе было интересно рассказать. Иногда Наташа чувствовала, что бабушка тоже не совсем понимает, чем занять ее, но в отличие от остальных та старалась, и эта честность подкупала и располагала к ней.

– А во что с мамой играли? – спрашивала бабушка, сидя с иголкой и ниткой за столом, пока Наташа перебирала в руках кукую-то из игрушек и «ходила» ею по столу.

– С мамой рисовали всегда, еще лепили. И кукольный домик был. – Наташа жалела, что не привезли с собой домик, но он был слишком большим.

– Хочешь, мы тоже домик сделаем? – Все же бабушка лучше всех знала, чем ее привлечь.

Делали домик. Правда, без крыши, в углу комнаты, но даже это казалось Наташе пределом счастья в атмосфере, где все было чужим. Старый ящик бабушка долго обтирала тряпкой, не обращая внимания на ворчание тети Зои.

– Пускай играет, – твердо сказала она. – Что тебе, ящика жалко?

– Грязь в дом таскать, – недовольно хмурилась та.

На это бабушка смолчала, только украдкой улыбнулась подпрыгивающей от нетерпения за открытой дверью кухни Наташе.

Ящик они установили, и из брусочков сделали кровать. Старенькая Барби помещалась на ней не до конца, и Бабушка обернула кровать тряпочкой, сделав побольше, а уж на нее положила кукольное покрывало.

– И мягко будет, – так заботливо сказала она, что Наташа просияла.

Так мало было нужно для радости. Кровать, стульчик и столик, несколько крючков из проволоки, которые послужили вешалками для платьев и которые Наташа подвесила к краю ящика. Дом скрасил ее одиночество не на один вечер.

Еще одним и, наверное, самым хорошим другом для Наташи стала Найда – старая собака, все время проводившая на цепи, но не потерявшая любви к людям. Это была грязноватая дворняга среднего размера, с прямоугольной мордой

и «бородкой» из шерсти, на тонких лапах, на одну из которых Найда хромала. Конура Найды была ее домом уже много лет, ее не пускали в дом, не гладили, только бабушка приносила ей есть. Но Найда каждый раз, завидев Олега, начинала вилять хвостом и стелиться перед хозяином, который все же игнорировал или, того хуже, пинком убирал ее со своего пути, если не успевала, скуля и поджимая хвост, отбежать. Поначалу Наташа опасалась подходить к конуре. Цепь ассоциировалась у нее с картинкой, которые порой видела на заборах в частном секторе их города, где стояли частные дома. Еще мама говорила – никогда не подходи к собакам, укусят. И Наташа слушалась, пока однажды дядя Олег не отходил Найду сапогом, споткнувшись о ее цепь.

Когда та, поскуливая, скрылась в будке, Наташа, сидевшая во дворе, долго наблюдала, как в проеме шевелится собачий бок и то и дело виднеется голова ворочающейся Найды. Потом встала, осторожно, несмело направившись к той. К ее ужасу, собака выскочила внезапно и тут же, виляя хвостом и опуская голову, начала приближаться. Наташа замерла, но не отступила. Глаза у Найды были такими выразительно человеческими, она шурила их, словно от удовольствия. Наташе показалось это забавным.

– Ты улыбаешься? – спросила она.

Найда, начав повизгивать, стала подползать, припав на передние лапы и глядя в глаза девочке. И тут только Наташа поняла, что Найда не улыбается. Скорее плачет. Скорее про-

сит приласкать и защитить от чего-то. Наташа наклонилась, и собака поползла под ее руку, начиная облизывать ее и ластиться.

– Хорошая... – Девочка гладила ее и первый раз в этом доме чувствовала, что бояться ей нечего. – Хорошая...

Спустя какое-то время Наташа с бабушкой собрались на местную почту, чтобы позвонить маме. Марина говорила, что в течение нескольких недель продаст квартиру, и баба Поля уже несколько раз сама ходила и звонила, зная, что переезда в Томск связи какое-то время не будет. На этот раз она взяла и Наташу.

Телефон тут был очень интересный, странный. Наташа все никак не могла понять, зачем он стоит на шкафах на кухне, если не работает. Оказалось, с ним нужно ходить куда-то, где есть специальная телефонная розетка, включать, и уже там он заработает. Эту странную систему Наташа видела впервые, как и многое здесь. Дома телефон стоял в прихожей на тумбочке, и никуда ходить было не надо. Взяв аппарат с трубкой, она вместе с бабушкой отправилась в немалый путь до почты, что была в соседнем поселке. Наташа знала, что Иру порой отпускают туда днем совсем одну, и поражалась, как не страшно девочке идти в одиночку такой дорогой. До моста через речку лес виднелся вдалеке, то тут то там стояли соседские дома, и идти было не страшно. За мостом же горизонт словно приближался, и за небольшой площадью поля,

уходившего в длину в стороны от дороги, начиналась полоса деревьев.

Бабушка собрала Наташу с собой с самого утра, чтобы к обеду можно было вернуться. Местность в такие часы приобрела почти сказочные очертания. Сквозь висящий над полем туман уже проглядывали косые солнечные лучи, а впереди чернела стена деревьев. Стоило зайти на их территорию – и солнца стало почти не видно.

– А тут волки водятся? – Наташа всматривалась в прощелки между стволами, было немного жутко, но интересно, и она представляла себя путешественников, идущим по местам, где еще не ступала нога человека.

– Тут не водятся, волки далеко живут, – успокоила бабушка. – Тут и лес-то мелкий. Вот в самой-самой тайге, – она указала рукой куда-то вдаль, и Наташа посмотрела туда, – там деревья до неба растут, там и волки. А сюда они боятся ходить, тут людей много.

«До неба...» – думала Наташа, зачарованно поднимая голову и пытаясь представить, как дерево может дорасти до неба.

Звонили долго, никак не могли дозвониться. Бабушка вставила провод в нужную розетку в небольшом зале, где помимо них стояли в очереди за посылками другие старушки, и раз за разом набирала номер. Наконец мама ответила. У нее все было хорошо, с квартирой получалось, и Наташа рассказала ей про лес до неба и про Найду на цепи. Мама обещала

прислать из Томска открытки с видами города.

– Может, на них и наш новый дом будет видно, Натаха, – смеялась она, из чего Наташа сделала вывод, что все и правда хорошо.

Когда шли обратно, бабушка «зацепилась языком» с соседкой и даже хвасталась – вон какая внучка приехала, красавица.

* * *

Когда выпал первый снег, дядя Олег стал замечать, что помимо следов Найды возле будки виднеются то тут, то там во дворе другие собачьи следы.

– Это волки? – спросила Наташа, стоя на пороге, пока он, перенося дрова от сарая, посматривал на дорожки «лапок» вокруг колодца.

– Куда там волки, дурема, вон главный волк сидит, – проворчал дядя, скидывая за порог нарубленные уже поленья и сердито кивая на будку. – Авось принесет, зараза.

– Что принесет? – шепотом спросила Наташа у бабушки. Та смутилась, не зная, как объяснить девочке.

– Щеночки у Найды будут, – ответила она.

– Щеночки! – обрадовалась Наташа.

– Из бочки. – От голоса дяди Олега радость ее поубавилась. – Нашли же в заборе дырку, хоть как хочешь забивай.

На ужин обычно вся семья собиралась вместе, даже когда дядя Олег работал. Это были традиции – низкая кухонька, бабушкины щи, ужин вместе. Совсем как Наташа с мамой и папой в выходные пили чай с пирожками, и каждый выходной обязательно шли по телевизору какие-то фильмы о природе. Хотя атмосфера тут была совсем другая.

То ли Наташе казалось, то ли действительно было так, но при ней все вели себя немного не так, как без нее. И чем дольше она жила в этом доме, тем больше это чувствовалось. Если она приходила чуть позже и за столом шел разговор, все мгновенно замолкали и провожали ее взглядами, от которых ей начинало казаться, что она сделала что-то плохое. Накладывая дочерям картошку с грибами, тетя Зоя говорила Ире закатать рукава и не макать их в тарелки, а Оле взять вилку вместо ложки, да и в любом случае что-то говорила, а когда ставила тарелку перед Наташей – молчала. Только бабушка постоянно хлопотала рядом, подавая платок или наливая воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.